
«Дворец передовой научной мысли» как отражение эпохи: к истории создания новой территории Московского университета на Ленинских горах

Кирилл Голиков

**«The Palace of advanced scientific thought» as a reflection of the epoch:
on the history of the creation of a new territory
of the Moscow University on Leninskiye Gory**

Kirill Golikov

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

DOI: 10.31857/S2949124X2302013X, EDN: BJKVVS

В 1930-х — начале 1950-х гг. слова А.В. Шусева о том, что «дворец передовой научной мысли Советского Союза должен получить достойную его значения архитектуру»¹, легли в основу масштабных проектов строительства новых зданий для Академии наук и Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова на Ленинских (Воробьёвых) горах².

В 1934 г. по постановлению Совета народных комиссаров Академию наук СССР перевели из Ленинграда в столицу. В 1935 г. при разработке Генерального плана реконструкции Москвы для размещения научных институтов на юго-западе от столицы (в то время — рядом с деревней Черёмушки) по проекту Шусева решили возвести большой академический городок, задуманный — впервые в мировой архитектурной практике — как целостная зона. Центром её должны были стать здания Президиума Академии наук и библиотеки, вокруг которых располагались бы участки геологической, химической, математической, общественнонаучной, зоологической и ботанической ассоциаций. Всего там предполагалось разместить 40 зданий, а также огромный ботанический сад³.

В 1936 г. на Ленинских горах открыли Московский (ныне — Главный) ботанический сад АН СССР, директором которого стал геоботаник и почвовед академик Б.А. Келлер. Его проектируемая площадь составляла 390 га, склон, выходящий на излучину реки Москвы, собирались террасировать. Однако этот проект не получил развития⁴.

© 2023 г. К.А. Голиков

¹ Шусев А. Академия наук СССР. Проект главного здания // Архитектура СССР. 1938. № 12. С. 38.

² Подробнее см.: История Московского университета. В 2 т. Т. II. М., 1955. С. 424–444; Воробьёвы горы: от храма Христа Спасителя к храму науки / Под ред. А.В. Смурова и В.В. Снакина. М., 2014; Яковлевский Р.М. Высота номер один: история и архитектура Главного здания МГУ. Изд. 2. М., 2021. См. также: Кокурин А.И., Моруков Ю.Н. «Принять предложение товарища Сталина». Постановления Совета министров СССР о строительстве новых зданий МГУ на Ленинских горах (1947–1954 гг.) // Исторический архив. 2004. № 4. С. 115–118; Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое: воспоминания очевидца. Ростов н/Д, 2004.

³ Кулешова Г.И. «Дворцы науки» на карте Москвы // Вестник Российской Академии наук. Т. 78. 2008. № 2. С. 138–152.

⁴ Ландшафтная архитектура Главного ботанического сада им. Н.В. Цицина РАН: история и перспективы. К 70-летию со дня образования. М., 2015. С. 16–17.

С конца XIX в. размеры ботанических садов в промышленно развитых странах стали увеличиваться, достигая десятков и даже сотен гектаров и превращаясь в многофункциональные научные и культурно-просветительские организации. По мере того как растительное сырьё становилось товарной продукцией, всё большую роль начали играть практически ориентированные исследования, проводившиеся для отбора, интродукции и акклиматизации растений, анализа их биохимических и физиологических свойств, изучения агротехники и районирования. Для распространения полученных знаний создавались многочисленные учебно-опытные участки, устраивались специальные тематические выставки и экспозиции, демонстрировались различные приёмы озеленения и методы выращивания растений⁵.

В СССР индустриализация требовала большого количества каучука, волокна, дубителей, эфиромасличных культур. Для повышения урожайности нужно было выводить стандартные сорта, продумывать их рациональное размещение. Озеленение интерьеров и улиц городов и посёлков повышало спрос на декоративные растения.

Ботанический сад Московского университета, вошедший в 1922 г. в состав НИИ ботаники МГУ, использовался в начале 1930-х гг. профильными НИИ каучука и гуттаперчи, сахарной промышленности, сои, лекарственных и ароматичных растений и др.⁶ Однако для решения новых исследовательских задач территории Сада уже не хватало. Поэтому в начале 1930-х гг. его руководство вместе с городским трестом зелёного строительства и Обществом друзей зелёных насаждений обратились в Моссовет, в МК и МГК ВКП(б) с предложением образовать в Москве (в Черёмушках, Кузьминках, Горенках, Барвихе или Петровско-Разумовском) новый Парк ботанической культуры, способный «разрешить громадные задачи по реконструкции зелёного строительства, по научно-технической пропаганде полезных сельскохозяйственных и новых культур, по пропаганде и показу активного воздействия человека на растения, по научно-педагогическому воспитанию широких масс трудящихся в духе диалектико-материалистического миропонимания». На площади 350–400 га следовало разместить дендропарк (130 га), опытно-коллекционные участки декоративных красиво цветущих многолетников и однолетников (20 га), плодово-ягодных растений (40 га), огородных и полезных растений (35 га), участки для опытов школьников (10 га) и торгово-производственных целей (100 га), для демонстрации распределения растительности СССР по географическим зонам (20 га) и системы растительного мира (5 га), а также оранжерею (10 га), музей и другие постройки (15 га)⁷.

Эти замыслы удалось воплотить — правда, в изменённом виде — только после Великой Отечественной войны. В 1945 г. в Останкино создали Главный ботанический сад Академии наук (около 370 га), а вскоре на Ленинских горах расцвёл новый Сад Московского университета.

⁵ Кузеванов В.Я., Сизых С.В., Губий Е.В. Ботанические сады как экологические ресурсы в глобальной системе социальных координат // Экономические и экологические проблемы в меняющемся мире. СПб., 2010. С. 158–167; Голиков К.А. Социокультурный аспект модернизации России в XVIII–XXI вв.: от Аптекарского огорода до Ботанического сада Московского университета // Вопросы истории. 2019. № 12(1). С. 180–194.

⁶ Архив МГУ, ф. 56, оп. 1, д. 22, л. 2.

⁷ Там же, оп. 1(2), д. 30, 1934 г., л. 41–42, 48.

Московский университет в целом нуждался в расширении. Если в 1941 г. в нём было семь факультетов, то к 1943 г. — уже 12, причём на некоторых из них открывались новые специальности. Между тем количество и площадь аудиторий, лабораторий и кабинетов за время войны существенно сократились. В 1947 г. академик А.Н. Несмеянов, занимавший пост ректора, просил председателя Совета министров СССР И.В. Сталина выделить МГУ дополнительные помещения. В марте 1948 г. правительство постановило построить их в ближайшие пять лет на Ленинских горах и «создать при новых зданиях агроботанический сад»⁸.

Данная территория проектировалась как центр будущего юго-западного района Москвы. В начале 1950-х гг. две магистрали, проходившие от Воробьёвского шоссе вдоль университетского комплекса, декорировали четырёхрядными посадками яблонь, вишен, а также живыми изгородями из чёрной и золотистой смородины (отчасти сохранившимися). Яблоневые аллеи и сегодня обрамляют проспекты Мичуринский и Вернадского. А между ними расположен плодовый отдел Ботанического сада (в то время — Мичуринский сад).

Весь архитектурно-ландшафтный ансамбль Московского университета, расположенный на самом высоком месте города и выдержанный в классических традициях регулярного стиля, представлял собой, по выражению М. Алигер, «дворец советской сталинской науки» и символизировал её величие и славу, что подчёркивалось крупным членением территории и массивами насаждений. В основе композиции лежали иерархическая соподчинённость архитектурных и растительных компонентов и зеркальная симметрия геометрически правильных форм. Все её составляющие соотнесены с центральной осью, вдоль которой сосредоточены основные декоративные элементы. Дороги образуют систему взаимноперпендикулярных линий и разбивают пространство на прямоугольные кварталы, выделенные многорядными посадками деревьев (лип, лиственниц, яблонь), многоярусными живыми изгородями, древесно-кустарниковыми группами, парадными партерами.

Проект садово-паркового ансамбля был подготовлен мастерской Генерального плана Управления проектирования МГУ, где над ним трудились В.Н. Колпакова (1905–2002), М.И. Прохорова (1907–1959) и М.П. Коржев (1897–1986), принадлежавшие к числу основоположников отечественной ландшафтной архитектуры.

Вера Николаевна Колпакова, руководившая разработкой замысла Агроботанического сада⁹, родилась в Петербурге в семье полковника Лейб-гвардии Сводно-казачьего полка. В 1921 г. её семья переехала в Москву. Окончив школу в 1926 г., Колпакова поступила во ВХУТЕМАС (Высшие художественно-технические мастерские), где сначала училась на текстильном факультете, но вскоре перешла на архитектурный. В 1931 г. её направили в Институт по планировке города Москвы, а затем перевели в мастерскую Дворца Советов. Там она вместе со своей сестрой-близнецом Надеждой Николаевной работала под руководством Б.М. Иофана, В.А. Шуко, В.Г. Гельфрейха. Вера Николаевна проектировала гранитную набережную от Каменного моста до Соймоновского проезда, застройку магистрали Кропоткинская—Большая Пироговская. В годы

⁸ Кокурин А.И., Моруков Ю.Н. «Принять предложение товарища Сталина»... С. 115–118.

⁹ Базилевская Н.А., Колпакова В.Н. Агроботанический сад Московского государственного университета // Ботанический журнал. 1951. № 4. С. 448–452.

Великой Отечественной войны она участвовала в создании оборонительных сооружений под Смоленском и Вязмой, трудилась прорабом и заместителем председателя стройкома на строительстве Уральского алюминиевого завода, после чего в 1944 г. вернулась в проектную мастерскую столичного Дворца Советов.

Милица Ивановна Прохорова в 1932 г. окончила ВХУТЕИН (Высший художественно-технический институт), пройдя обучение в мастерских К.С. Мельникова и Н.Ф. Ладовского. Ещё во время учёбы, в 1929–1932 гг., вместе со своим сокурсником, а позже коллегой и постоянным соавтором Коржевым она в Проектном бюро Центрального парка культуры и отдыха (ЦПКиО) разрабатывала конкурсные проекты Дворца Советов и Дома промышленности в Москве, здания Академии наук в Минске, парка в Воронеже. В 1935 г. в мастерской № 5 Отдела планировки Моссовета Милица Ивановна вместе с В.И. Долгановым готовила проект парка на Ленинских горах, который являлся бы продолжением ЦПКиО им. М. Горького. В 1943 г. Прохорова создала проекты озеленения Арбатской площади и расположения на ней сквера на месте разрушенных и сгоревших во время бомбёжки жилых домов. В ходе подготовки к празднованию 800-летия основания Москвы она занималась реконструкцией Бульварного кольца. В частности, её наработки учитывались при посадках в сквере на Пушкинской площади. Материалы второй половины 1940-х гг. Прохорова использовала в своей диссертации, посвящённой типологии московских скверов и бульваров. В 1950 г. за проект Фрунзенской набережной она удостоилась Золотой медали ВДНХ. Ей же принадлежал план озеленения и благоустройства жилых кварталов, выходивших к реке от Лужников до Крымского моста.

Наиболее значимым проектом тандема Прохоровой и Коржева стало озеленение территории, прилегающей к новому зданию МГУ на Ленинских горах. По степени реализации и завершённости он не имел равных в советской ландшафтной архитектуре. Возле одного из лучших высотных зданий столицы на бывших сельскохозяйственных землях площадью более чем 300 га возникла единая сеть парков и садов с центральным парадным партером.

Главное здание МГУ находится в центре основной композиционной оси, идущей с юго-запада на северо-восток. Вдоль неё сосредоточены основные архитектурные и декоративные компоненты ансамбля. Под прямым углом её пересекает Главная аллея (шириной 80 м), являющаяся центральной композиционной осью территории Ботанического сада. Рядом с новыми университетскими корпусами вдоль аллей и проездов, на лужайках и полянах высадили 3,5 тыс. яблонь и груш, 600 вишнёвых деревьев, а также множество ягодных кустарников. Широкое применение плодовых культур символизировало городсад. Их впервые столь массово использовали на московских улицах. До тех пор в скверах и на бульварах они, как правило, высаживались поодиночке или небольшими группами.

Для озеленения территории университета и прилегающих к нему проспектов взрослые (10–12-летние) деревья перевозили в жёсткой упаковке с большим (1,3×1,3 м) почвенным комом, так что уже на следующий год они обильно цвели. Посадочный материал брали из колхозного сада, располагавшегося на месте строительства: там росло много мичуринских сортов яблонь и груш. Ректор академик И.Г. Петровский просил председателя Московского городского совета М.А. Яснова «закрепить часть этого плодового сада (площадью около

8 га) за Московским государственным университетом уже с осени 1951 года», надеясь с 1952 г. использовать её для обучения студентов, тогда как «плодово-ягодный сад на новой территории ботанического сада закладывается жить в этом году молодыми саженцами, которые вступят в плодоношение не ранее, чем через 3–5 лет»¹⁰. 2 февраля 1952 г. правительство передало университету бывший сад колхоза «12-я годовщина Октября» (более 26 га). Там предполагалось разбить питомник Агроботанического сада и экспериментальные участки по плодовым культурам.

Закладка Ботанического сада на Ленинских горах состоялась в соответствии с приказом № 581 ректора академика А.Н. Несмеянова в августе 1950 г. А 30 января 1951 г. постановлением Совета министров СССР № 278 «О мероприятиях по созданию агроботанического сада на территории новых зданий Московского государственного университета» предписывалось «создать на территории МГУ на Ленинских горах агроботанический сад, площадью до 30 га, в составе: 1. Дендрария. 2. Мичуринского плодово-ягодного сада. 3. Почвенного участка с лизиметрами, лабораторией и стоковой площадкой. 4. Агробиологического экспериментального участка. 5. Альпинария. 6. Участка травянистых растений. 7. Участка кадочных растений. 8. Участка полезных растений. 9. Декоративного коллекционного участка. 10. Розариума. 11. Питомника и школы. 12. Метеорологической площадки».

Научные основы строительства нового Ботанического сада разрабатывались в первой половине 1950-х гг. Его территория изначально представляла собой систему коллекционных, опытных и экспозиционных участков, размещение которых определялось удобством научной работы и доступностью для организованного осмотра и использования в учебном процессе. Так, наиболее востребованные для проведения исследований и занятий со студентами отделы систематики и полезных растений располагались ближе к зданию биолого-почвенного факультета, а дальше от входа находились экспериментальные площадки, питомники, теплицы и лаборатории.

Поскольку опыт организации такого ботанического сада в середине XX в. отсутствовал, для каждого участка необходимо было продумать собственную методику экспонирования растений, подобрать видовой состав, создать специфические почвенные условия, разработать методы продвижения видов растений различного географического происхождения в среднюю полосу СССР, приёмы их посадки, выращивания и ухода за ними¹¹. При этом, по словам Н.А. Базилевской, последовательно демонстрировался принцип «эволюции растительного мира и творческой деятельности человека — активного преобразователя природы» в процессе создания и отбора декоративных форм и сортов из природных видов¹².

Нина Александровна Базилевская (1902–1997), ученица Н.И. Вавилова, ботанико-географ, систематик растений, растениевод и историк науки, завела Садом в годы его становления. С 15 марта 1950 г. по 21 февраля 1952 г. и с 15 марта 1953 г. по 1 января 1954 г. она занимала пост исполняющей обязанности профессора по оборудованию Ботанического сада МГУ. 21 февраля 1952 г. ей поручили исполнять обязанности директора Агроботанического сада,

¹⁰ Архив МГУ, ф. 56, оп. 1(2), д. 114, 1952 г., л. 25.

¹¹ Там же, д. 92, л. 1–11.

¹² Базилевская Н.А. Ботанический сад // Вестник высшей школы. 1952. № 4. С. 50–54.

а с 1 января 1954 г. по 1964 г. она являлась директором Ботанического сада¹³. Во многом именно благодаря её профессионализму и воле замысел Сада удалось воплотить.

Базилевская родилась в Москве в дворянской семье, но гимназию окончила в Петрограде и в 1919 г. поступила в Петроградский университет на биологическое отделение физико-математического факультета, одновременно работая в местном Ботаническом саду (ныне Ботанический институт им. В.Л. Комарова РАН). Получив специальность ботаник-систематик, она с 1924 г. участвовала во многих экспедициях в пустынные и горные районы Средней Азии, в ходе которых ею было описано около 40 новых видов растений. В 1926 г. в Узбекистане произошло её знакомство с Вавиловым, по приглашению которого Нина Александровна перешла на работу (вначале — по совместительству) во Всесоюзный институт прикладной ботаники и новых культур (с 1930 г. — Всесоюзный институт растениеводства (ВИР)). Как пишет Е.М. Сенченкова, «этот относительно непродолжительный довоенный период научной жизни Базилевской в Ленинграде был самым важным этапом формирования её личности вообще и как исследователя в частности. Именно тогда сложился её стойкий и принципиальный характер как учёного и гражданина»¹⁴. Коллеги отмечали, что Нина Александровна «является не только ботаником-теоретиком с большой эрудицией; в процессе исследований она ставит и разрешает важные практические вопросы»¹⁵, и с конца 1920-х гг. «интересы её всё более перемещаются в область прикладной ботаники»¹⁶.

С 1930 г. Базилевская заведовала в ВИР секцией сои, где изучались свойства этой агрокультуры как высококачественного белкового продукта и перспективы её применения в пищевой промышленности, с 1934 г. — секциями эфиромасличных культур и каучуконосов. Во время 12 экспедиций по Средней Азии и Казахстану в качестве научного сотрудника, а затем и начальника она выявляла возможности использования пустынных растений как кормовых, фитомелиоративных и технических. В 1936 г. на заседании Учёного совета ВИР под председательством Вавилова Базилевская успешно защитила докторскую диссертацию.

Форсированная урбанизация вызвала потребность в массовом озеленении городов. В 1937 г. Базилевская организовала и возглавила созданную в ВИР секцию цветоводства. Вавилов поручил ей осуществить мобилизацию лучших декоративных растений страны, наладить их семеноводство, ускоренное размножение и районирование, с уточнением научной номенклатуры¹⁷. При ликвидации секции в феврале 1941 г. «все её научные материалы и коллекции» удалось сохранить, передав в учреждённый в 1936 г. Московский ботанический сад Академии наук СССР¹⁸, где Нина Александровна возглавила отдел декора-

¹³ Личную карточку Н.А. Базилевской см.: Архив МГУ, ф. 1, оп. 35л, д. 5365.

¹⁴ Сенченкова Е.М. Особенности формирования Н.А. Базилевской как ботаника // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2019. Саратов, 2019. С. 644.

¹⁵ Юбилей профессора Н.А. Базилевской // Вестник Московского университета. Сер. 6. Биология, почвоведение. 1962. № 5. С. 77.

¹⁶ Скворцов А.К. Нина Александровна Базилевская (к 60-летию со дня рождения и 40-летию научной деятельности) // Ботанический журнал. Т. 48. 1963. № 3. С. 465.

¹⁷ Научное наследство. Т. 5. Николай Иванович Вавилов. Из эпистолярного наследия. 1929—1940. М., 1987. С. 349, 392.

¹⁸ Научный архив Института истории естествознания и техники РАН. Личное дело Н.А. Базилевской, л. 112 об.

тивных растений. Оказавшись после эвакуации в Ашхабаде, Базилевская была награждена за плодотворную работу по заданию Среднеазиатского военного округа орденом «Знак Почёта» и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

В 1945 г. в связи с созданием Главного ботанического сада им. Н.В. Цицина АН СССР Московский ботанический сад АН СССР упразднили. Нина Александровна изучала тогда теоретические проблемы акклиматизации растений в лаборатории эволюционной экологии, созданной ещё в 1938 г. под руководством академика Б.А. Келлера, а с 1950 г. перешла в Московский университет.

Территория Ботанического сада МГУ на Ленинских горах простиралась до 45 га и по площади почти в восемь раз превышала старую¹⁹, что позволило воспроизвести все основные экспозиции и коллекции открытого грунта в новом масштабе. Так, дендрарий превышал прежний в 3,5 раза и достигал 8,9 га, плодовый сад – 4,3 га, альпинарий – 1,6, систематики растений – 0,8, полезных растений – 0,5 га. Участок декоративных травянистых многолетников включал коллекции растений (1,7 га), розарий с питомником (1,1 га) и партер с садом непрерывного цветения (1,2 га). Здесь же демонстрировались приёмы декоративного оформления. Другие участки отводились для агробиологии (3 га), экспериментов (8 га), изучения почв (2 га), на метеорологическую станцию и питомники (по гектару)²⁰. Планировалось также устроить экспозицию «Растительность СССР» с участками степи, луга, меловых отложений и других её характерных типов²¹. 3,5 га занимала ветрозащитная полоса общей протяжённостью более километра (при ширине 15 м), окаймлявшая Сад с трёх сторон²².

Сад создавался с весны 1950 г. на месте старой свалки, оврагов и ям. Там, где впоследствии появился дендрарий, размещалось более 100 всевозможных бараков и юрт, приспособленных под жильё строителей. На будущем партере действовала ремонтная мастерская, по агробиологическому участку проходила ветка железной дороги, прежде чем разбить цветник, следовало осушить болото. Хотя генеральный план Сада и проекты его основных экспозиций уже были составлены, на выделенную для них территорию продолжали вывозить грунт из котлованов, вырытых под фундамент Главного здания, и это погребло сохранившийся кое-где плодородный слой. Для улучшения почвы 5 га засеяли люпином. Весной 1950 г. на 13 га приступили к разбивке участков, прокладке дорог и водотоков, вертикальной планировке. Всю свободную от застройки зону обнесли временным забором, выделив гектар для питомника.

Первое дерево на новой территории высадили 21 сентября 1950 г. в прилегающей к Мичуринскому саду части ветрозащитной полосы²³. К 10 октября деревьев насчитывалось уже 1 300. Хотя водопровод там ещё не проложили, и воду для полива приходилось носить вёдрами, почти все растения прижились – погибло лишь несколько лиственниц и берёз (которые вообще плохо переносят пересадку без почвенного кома). А.К. Скворцов вспоминал: «Я начал работать в новом ботсаду Университета, когда ещё его в натуре не было – в январе 1952 г. Ещё только завершалось строительство Главного здания университета, а место, где быть Саду, представляло полный хаос... Сад не был изначально-

¹⁹ Архив МГУ, ф. 56, оп. 1(2), д. 114, 1952 г., л. 27.

²⁰ Там же, оп. 1, д. 147, 1954 г., л. 2.

²¹ Там же, оп. 1(2), д. 114, 1952 г., л. 27.

²² Там же, д. 260, 1964 г., л. 1.

²³ Там же, д. 231, 1960 г., л. 2.

но запроектирован на территории университета, для Сада предлагалось где-то поблизости другое место и другие сроки постройки. Но Н.А. Базилевская решительно взяла курс на то, чтобы Сад был “здесь и сейчас”. Понятно, не без трудностей, но всё-таки был бы. А “другое место” и особенно “другие сроки”... понятно, что это могло означать. И вот новый Сад существует, и существует “здесь”²⁴.

Пока шло строительство, сотрудники Сада, не теряя времени, подбирали ассортимент растений, и уже с осени 1950 г. заготавливали посадочный материал, которого требовалось немало. Для обеспечения его транспортировки, в том числе — из Главного ботанического сада (ГБС) Академии наук, Управление строительства МГУ даже отрядило им в помощь трёх рабочих²⁵. В Саду имелось достаточно хорошо размноженных видов кустарников, их передавали целыми или разделёнными кустами. Наиболее ценные декоративные виды, имевшиеся в ограниченном количестве, черенковали и укореняли в парниках (как на старой территории, так и в питомнике на Ленинских горах). На новых участках декоративных растений подобрали широкий спектр многолетников²⁶. Розарий требовал почти 8 тыс. кустов. Для размножения использовали коллекции ГБС, а также учебного хозяйства университета в с. Чашниково. 650 кустов и 350 черенков полиантовых роз привезли из Никитского ботанического сада Ялты.

Формируя дендрарий — самую крупную экспозицию строившегося Сада — обратились в ГБС, Тимирязевскую сельскохозяйственную академию, в дендропарк имени Ленина, Ивантеевский питомник ВНИИ Лесного хозяйства, на Московский комбинат зелёного строительства и в Останкинский питомник Академии коммунального хозяйства. Ценный посадочный материал поступал также из Ботанического института Академии наук в Ленинграде, Горьковского государственного университета, с Лесостепной опытно-селекционной станции Липецкой обл., с селекционной станции «Госзеленхоза», Саласпильской опытной станции и др. Так, растения для альпинария были заказаны на Горно-Алтайской станции, а из питомника Общества охраны природы в Нальчике к весне 1952 г. пришло около 20 посылок с живыми образцами кавказской флоры. В общей сложности для дендрария удалось приобрести около 300 видов саженцами, а семенами — более 500. Вместе с тем руководивший его созданием кандидат биологических наук старший научный сотрудник Т.Т. Трофимов отмечал: «Опыт по строительству дендрария Ботанического сада МГУ показывает, что коллекционные сады с большим количеством видов трудно строить посадочным материалом, приобретаемым в других питомниках и садах. Этот материал в большинстве случаев разнокачественный и разновозрастный, не всегда надлежащим образом этикетирован, не говоря уже о том, что очень многих видов невозможно достать ни в питомниках озеленительных организаций, ни в ботанических садах. Кроме того, такой метод строительства дендрария не согласуется с основным указанием И.В. Мичурина, что “акклиматизация растений возможна лишь путём посева”²⁷. Поэтому из обменного и коллекционного фонда семян Сада выделили материал для посева на новой территории. Эти потребности учитывались также при сборе семян деревьев, кустарни-

²⁴ Ботанический сад Московского университета. 1706—2006. Первое научное ботаническое учреждение России. М., 2006. С. 75.

²⁵ Архив МГУ, ф. 56, оп. 1(2), д. 86, 1950 г., л. 1, 5 об.

²⁶ Там же, д. 127, 1953 г., л. 14.

²⁷ Там же, д. 183, 1955 г., л. 44.

ков и декоративных многолетников урожая 1950 г. для семенной лаборатории и при их выписке по обменным каталогам (делектусам) других ботанических садов и организаций.

Для заготовки паспортизированного посадочного материала сотрудники Сада выезжали в экспедиции в разные концы Советского Союза — на Дальний Восток, в Среднюю Азию, на Памир, на Кавказ и в Крым, на Карпаты и в Саяны. Во многих случаях испытывали образцы одного и того же вида растений из разных эколого-географических районов и популяций. Наиболее перспективные сеянцы отбирали для пополнения коллекционного фонда дендрария. Одновременно формировалась картотека, в которую вносили сведения об ареале, экологии и хозяйственной ценности каждого вида. Тем самым составлялся текст для этикетажки коллекций на всех экспозициях.

Всего было закуплено 34 200 деревьев и кустарников, включая плодовые, на 205 тыс. руб. и 22 200 многолетников на 38 тыс. руб.²⁸ В феврале 1951 г., оформляя заказы в питомниках, руководство университета и Сада просило «дать распоряжение при отпуске материала отобрать лучшие экземпляры растений, принимая во внимание большое научное и показательное значение, которое будет иметь агроботанический сад Университета — одного из величайших памятников Сталинской эпохи»²⁹. К осени 1951 г. посадочный материал в основном был заготовлен, и его намечалось высадить в Ботаническом саду. Однако и следующей весной на его территории оставались постройки, которые, согласно постановлению правительства, подлежали сносу. Так, на ветрозащитной полосе вдоль дендрария располагался дом военного ведомства, на участке систематики по-прежнему размещалась контора механизации с мастерскими, из-за чего почва оказалась непригодна для посадки растений, и её пришлось полностью заменить. Участок полезных растений строители обещали освободить не раньше осени 1952 г. Все декоративные участки были заняты различными строениями.

«Последние сроки» Управлением строительства неоднократно переносились. Так, к лету 1951 г. снесли только 8 из 65 домов, что едва не погубило всё дело: при слишком поздней посадке (к тому же на неподготовленном участке) растениям грозила неизбежная гибель, а в случае отказа забрать посадочный материал его бы продали другим организациям, причём оперативно возобновить заказ позднее не представлялось возможным, поскольку выращивание необходимых сортов в нужном количестве требовало длительного времени. Неудивительно, что за полтора месяца до начала осеннего сезона посадки заместитель министра высшего образования СССР просил МВД «дать указание Управлению строительства Московского университета форсировать подготовку площадки для строительства агроботанического сада и строго соблюдать график работ, установленный в постановлении Совета министров СССР от 30 января 1951 года»³⁰. Однако 14 тыс. деревьев и кустарников, предназначенных для дендрария и ветрозащитной полосы, пришлось прикопать, а ещё около 6 тыс. — оставить на сохранных расписках у поставщиков в подмосковном совхозе, в питомнике ГБС, на Лесостепной станции, в Горьковском ботаническом саду и в Умани.

²⁸ Там же, д. 128, 1953 г., л. 46–47.

²⁹ Там же, л. 44.

³⁰ Там же, д. 114, 1952 г., л. 26–26 об.

Тем не менее в 1951 г. удалось высадить почти 9 тыс. кустарников и деревьев на ветрозащитной полосе, более 300 — на аллеях, свыше 1 300 — в дендрарии и 1 300 — около альпинария. В плодовом саду разместили 867 деревьев (262 — весной и 605 — осенью) и 860 ягодных кустарников, а также более 10 тыс. кустов земляники. Цветники украсили 22 тыс. многолетних травянистых растений³¹. Летом наконец-то расчистили место будущего розария: его выравнивали и готовили плодородную почву для посадок будущей весной (осенние посадки роз в Москве исключаются). К весне 1952 г. почти закончилось сооружение альпинария: для него завезли и уложили 1,5 тыс. т камня, провели дорожки из плит.

Сроки сдачи объекта не выдерживались и в дальнейшем. К 1 января 1952 г. Сад так и не открылся. Между тем созданная приказом ректора комиссия по строительству агроботанического сада прекратила свою работу после двух заседаний³². А когда в 1953 г. существовавший ранее в Управлении строительства МГУ отдельный участок по возведению агроботанического сада утратил самостоятельность³³, работа затормозилась. «Перечень недоделок по агроботаническому саду, по состоянию на 20 марта 1953 г.» содержал 112 пунктов. К тому времени там, где должны уже были цвести декоративные растения, по-прежнему высилось двухэтажное здание Управления строительства, на территории оставались трансформаторные будки и другие вспомогательные сооружения, по дендрарию — прямо по посадкам — курсировали автомашины, направлявшиеся к размещённому там складу³⁴. Число сотрудников также сокращалось: на посадках работали только 3–4 человека, при этом двое из них на разные сроки уезжали в командировки.

Сохранность уже высаженных растений вызывала особое беспокойство. Базилевская с горечью указывала на то, что «агроботанический сад не огорожен забором и является проходным двором, через который целый день идут солдаты, рабочие и служащие строительства и посторонние граждане, сокращая путь». Хотя в 1952 г. удалось добиться установки временных заборов вокруг розария и альпинария — наиболее посещаемых участков Сада, «за зиму эти заборы были растащены, и сейчас оба участка свободны для доступа “посетителей”, которые, не стесняясь, ходят прямо по растениям и газонам. Никакой охраны нет». У сетчатой ограды, установленной в 1952 г. около питомника и Мичуринского сада, во многих местах не хватало звеньев, ворота и калитки отсутствовали. К весне её столбы, которые забыли покрасить, заржавели, сетка во многих местах порвалась и требовала замены. Тем временем после открытия 1 сентября 1953 г. Главного здания университета при входе в Сад отменили проверку пропусков.

В ноябре 1953 г. межведомственная комиссия приняла только Мичуринский плодовый сад (4,5 из 45 га общей площади) с прилегающими к нему участками ветрозащитной полосы, и то со значительными строительными недоделками. В дендрарии, альпинарии, партере и розарии их оставалось ещё больше. Участки систематики, полезных растений, кадочных культур, метеорологическая площадка и почвенный стационар (всего около 10 га) всё ещё нуждались в разработке, как и присоединённые к Саду в конце 1951 г. площади,

³¹ Там же, д. 128, 1953 г., л. 45.

³² Московский университет. 1952. 27 мая; 7 июня.

³³ Архив МГУ, ф. 56, оп. 1(2), д. 114, 1952 г., л. 18–19.

³⁴ Там же, л. 15–17.

предназначенные для питомника и научных экспериментов (7 га). Закончить их подготовку совместными усилиями строителей, сотрудников и студентов университета предполагалось лишь к лету 1954 г.

Изначально штат Агроботанического сада состоял всего из шести человек — четырёх лаборантов, младшего и старшего научных сотрудников. Позже его немного расширили, и старших научных сотрудников стало два. Все они руководили посадками, формировали новые экспозиции, заготавливали материал, составляли картотеку, разрабатывали этикетаж, осуществляли инвентаризацию и даже непосредственно участвовали в посевах и посадках. В создании Сада также принимали участие многие преподаватели и студенты биолого-почвенного факультета. Помогали и молодые специалисты-цветоводы Ногинского техникума: для этого им ежедневно приходилось приезжать в Москву, но из 20 человек «сбежал от трудностей» только один. Комсомольцы Государственного подшипникового завода им. Л.М. Кагановича в мае 1953 г. провели воскресник на участке полезных растений³⁵.

В 1953 г. Сад открылся. С 1 января 1954 г. территория на Ленинских горах стала основной, а «Аптекарский огород» на Проспекте Мира превратился в её филиал³⁶. Структурно новый Ботанический сад МГУ состоял из научных отделов: дендрария, Мичуринского сада, травянистых растений (с подотделами экологии и географии, систематики растений, декоративных растений), агробиологии, культурно-просветительской работы, закрытого грунта. В нём также действовали три лаборатории — семенная, карантинная и искусственного климата. Филиал включал отделы открытого и закрытого грунта, а также — культурно-просветительской работы. К учебно-вспомогательным подразделениям относились оранжереи, вегетационные домики и экспериментальные теплицы, Мичуринский уголок-музей и опытные участки агробиологического отдела. Научная библиотека Сада насчитывала 16 тыс. томов³⁷.

На основной территории Сада применены разнообразные экспозиционные принципы: хронологический (плодовый сад, розарий); сравнительно-исторический (партер, декоративные многолетники); систематический (участок систематики); функциональный (полезные растения); ботанико-географический (дендрарий, альпинарий, флора Средней России). В дизайне основных ландшафтных экспозиций прослеживаются природно-географические (дендрарий, альпинарий) и национальные аспекты³⁸. Так, рисунок цветников партера (центральной полосы Главной аллеи) был составлен из ковровых и однолетних растений по мотивам русских народных вышивок. По обеим сторонам Главной аллеи размещались два участка декоративных многолетников (композиционный и коллекционный), устроенные по принципу сада непрерывного цветения. На первом демонстрировались приёмы оформления и ландшафтные композиции, характерные для регулярного стиля планировки, а на другом было высажено свыше тысячи сортов и сеянцев красивоцветущих травянистых растений, преимущественно отечественной селекции, в том числе выведенные в Ботаническом саду Московского университета флоксы, гладиолусы, пионы и лилии.

³⁵ Там же, д. 183, 1955 г., л. 41.

³⁶ Там же, ф. 1, оп. МГУ, д. 170. Приказ № 484 от 12 декабря 1953 г.

³⁷ Там же, ф. 56, оп. 1(2), д. 147, 1954 г., л. 3.

³⁸ Подробнее см.: Голиков К.А. Садово-парковые комплексы мира: регионоведение, политика, межкультурная коммуникация: учебное пособие. М., 2017.

Экспозиция розария выстраивалась так, чтобы показать селекционные линии в хронологической последовательности выведения сортов. При этом особое место отводилось достижениям Мичурина. Позднее отдельно высадили сеянцы селекции Ботанического сада МГУ. Сегодня здесь представлены преимущественно зарубежные сорта — как классические, так и современные.

Главная аллея на пересечении с Мичуринской (которая выводит к воротам плодового сада) замыкается амфитеатром, где собирались поставить памятник Ивану Владимировичу, изобразив его среди созданных им роз. Коллекция плодово-ягодного (Мичуринского) сада была нацелена на популяризацию лучших сортов отечественной и зарубежной селекции, способных произрастать в условиях Нечерноземья. На центральной аллее размещались образцы сортов плодовых деревьев, выведенных Мичуриным, далее в хронологическом порядке — его учениками. При этом родительские формы предполагалось высаживать рядом с их гибридным потомством.

К концу 1953 г. на ветрозащитной полосе росло более 4700 деревьев и кустарников, в том числе — свыше тысячи рябин, более 800 лип, почти по 700 клёнов и спирей, более 500 калин, около 400 берёз, больше 250 лиственниц и 150 дубов, почти 100 чубушников, а также ясени, вязы и черёмухи³⁹. В итоге к лету 1956 г. в коллекциях открытого грунта (на обеих территориях) произрастало: в дендрарии 570 видов деревьев и кустарников; в Мичуринском саду — 544 сорта плодовых деревьев и ягодных кустарников; в альпинарии — 725 видов горных растений; на участке систематики — 800 видов из ста семейств высших растений; на участке полезных растений — 450 видов; степей и меловых растений — 400 видов; декоративных растений — 1500 видов и сортов. В коллекциях закрытого грунта содержалось 15 тыс. растений свыше 3 тыс. видов; причём на основной территории Ботанического сада (46 га) оранжереи занимали 800 кв. м, а в филиале (6 га) — 1700 кв. м⁴⁰.

Со временем при сохранении общей концепции Сада некоторые экспозиции менялись в связи со сменой научно-исследовательской тематики, или из-за трудности акклиматизации растений, или вследствие невозможности обеспечить им подходящие условия. Так, впервые в СССР был поставлен опыт по воспроизведению участков искусственных растительных сообществ луговой, ковыльно-разнотравной и ковыльно-типчаковой степей; строилась экспозиция полынной степи⁴¹. Наконец, необходимо было размещать вновь поступающие образцы и новые коллекции.

В 1964 г. Базилевская покинула пост директора Сада. Во второй половине 1960-х — начале 1970-х гг. она руководила отделением биологических наук Политехнического института в Конакри (Гвинея), на агрономическом факультете которого читала на французском языке лекции по ботанике и генетике. В результате её экспедиций появилась книга «Лекарственные растения Гвинеи». Вернувшись в Москву, Нина Александровна стала профессором кафедры высших растений биологического факультета МГУ.

Ансамбль Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова на Ленинских горах, созданный в период послевоенной модернизации страны в стиле «триумф», стал олицетворением советской науки как важного

³⁹ Архив МГУ, ф. 56, оп. 1(2), д. 128, 1953 г., л. 5.

⁴⁰ Там же, д. 182, 1956 г., л. 3–4.

⁴¹ Там же, д. 231, 1960 г., л. 5.

социального института и неотъемлемого атрибута общественного прогресса. Масштабность, классическая завершенность и пафос архитектурных решений этого стиля являлись визуальным подтверждением идеологической значимости науки. Весомый вклад в осуществление данного замысла внесли женщины-учёные — архитекторы В.Н. Колпакова и М.И. Прохорова и профессор Н.А. Базилевская, благодаря которой Ботанический сад оказался органической частью «советского Версаля», как называют архитектурно-ландшафтную композицию МГУ благодаря её характерной планировке, выдержанной в традициях регулярного стиля.